

— Как можно знать, не попробовав? За эти годы ты остался лучшим из всех, кого я встречал.

Сяо Жофэй смотрел на Бай Яньнана, наблюдая, как тысячи невысказанных слов в его глазах превращаются в дрожащие кончики пальцев, сжатые в его руке.

Он не чувствовал ни зуда, ни боли — ничего.

— Яньнань, спасибо тебе за всё, что ты сделал сегодня. Ты помогал мне, заботился обо мне, я действительно... бесконечно благодарен. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, я, Сяо Жофэй, готов на всё, — произнёс он с той же обаятельной улыбкой, серьёзной и неоспоримой.

— Но между нами всё закончилось в тот день выпуска.

Сяо Жофэй отпустил его руку.

— Ты, я, Чуньлай — наши отношения после той ночи, — он сделал паузу, его голос стал хриплым, — уже никогда не будут прежними.

Сяо Жофэй никогда не сможет забыть ту бурную ночь.

В день выпуска в Цзинчэне было душно. В прогнозе погоды обещали дождь с вечера до ночи, но даже после окончания церемонии, около шести вечера, солнце всё ещё палило, высоко вися в небе, не подавая признаков дождя. Восемь человек из комнат 520 и 525 решили следовать первоначальному плану и отправились в ресторан «Идэчжуан» рядом с университетом, чтобы в последний раз перед выходом в мир попрощаться с прошлым и устроить беззаботный праздник.

Небо было ясным, и настроение у всех было отличным, кроме Гу Чуньлая. У остальных семи были чёткие планы на будущее. Они говорили о прошлом, настоящем, завтрашнем дне, ели много мяса, пили вино, суп подливали снова и снова, смех становился всё громче, словно пытаясь заглушить всю грусть.

Они заранее договорились, что, даже если в будущем их пути разойдутся, даже если это будет их последняя встреча, они не скажут «прощай», а только «увидимся».

Но даже самый долгий праздник заканчивается. Они задержались до закрытия ресторана, пока снаружи не стихли голоса, пока официанты не начали их торопить. Они поддерживали друг друга, уходя.

Ночь была глубокой, чёрные тучи заполнили небо, скрывая звёзды, не оставляя ни лучика лунного света.

С лицами, покрасневшими от алкоголя, они смотрели друг на друга. Тот, кого называли «плаксой, чьи слёзы могли затопить 525 до 555», Ши Лэй, не смог сдержать слёз, вытирая глаза и прощаясь со всеми. Затем второй, третий... Бывшие товарищи, которые когда-то проводили дни вместе, теперь уходили вдаль.

В самом конце остались трое, когда-то самых близких, а теперь чужих.

Глаза Сяо Жофэя покраснели, Бай Яньнань плакал, как ребёнок, и только Гу Чуньлай оставался спокойным, как всегда, стоя на ветру, словно независимо от того, как далеко они уйдут, оглянувшись, они всё равно увидят его там. Он протянул Сяо Жофэю платок, затем повернулся и устремил на Бай Яньнана тот самый взгляд, который всегда раздражал Сяо Жофэя. Он утешал его, внимательно и терпеливо, пока тот не перестал всхлипывать и не

улыбнулся, прежде чем убрать руку.

Сяо Жофэй знал, что это был сигнал — Гу Чуньлай уходит.

За эти годы они провели больше всего времени вместе. Они сняли один фильм, где Сяо Жофэй был режиссёром, а Гу Чуньлай — главным героем. Он знал каждое движение Гу Чуньлая, его выражения, его реакции в разных ситуациях.

Он знал его слишком хорошо.

Он надеялся, что, по крайней мере, в последний момент, когда он ещё не был готов, кто-то останется с ним.

Но Гу Чуньлай ушёл слишком решительно, не сказав ни слова, не оставив ни записки. Когда Сяо Жофэй пришёл в себя, остался лишь его силуэт.

— Всё кончено, — сказал Бай Яньнань, глядя в ту же сторону.

Сяо Жофэй не ответил.

Раньше он думал, что они, Бай Яньнань и Гу Чуньлай, смогут быть вместе вечно, беззаботно. После выпуска он мог снимать фильмы, писать сценарии, а они будут играть в них. В будущем они стояли бы по обе стороны от него на сцене, получая награды, благодаря мир и их общую молодость.

Даже когда он начал встречаться с Бай Яньнанем, а Гу Чуньлай отдалился, он никогда не сомневался в своей мечте.

Но сейчас, когда силуэт Гу Чуньлая исчез в ночи, а человек перед ним уходил всё дальше, он не мог смириться с этим. Ему не нравилось, что всё, что он имел, всё, что он контролировал, уходило в одно мгновение. Он хотел что-то удержать, но, протянув руку, схватил пустоту.

Бай Яньнань отступил на шаг, повернул лицо Сяо Жофэя к себе, улыбнулся и тихо сказал:

— Жофэй, мне тоже пора.

— Завтра в съёмочную группу?

— Да. Этот фильм может занять полгода.

— Тогда... будем на связи, — сказал Сяо Жофэй.

Он был слишком занят в последнее время, их переписка остановилась месяц назад.

К его удивлению, Бай Яньнань покачал головой.

— Жофэй, всё кончено.

Только тогда Сяо Жофэй заметил неладное. Он посмотрел в глаза собеседника и увидел только прощание.

— Что ты имеешь в виду? — невольно вырвалось у него.

— Жофэй, мы встречались десять месяцев. Говорят, что за это время можно выносить ребёнка,

но наши чувства...

— Не говори, — Сяо Жофэй инстинктивно остановил его.

Но Бай Яньнань продолжал:

— Жофэй, ты ещё не понял? У нас ничего не выйдет. То, что ты хочешь, я не могу дать, а ты... ты...

Последние слова унёс ветер. Сяо Жофэй хотел спросить, но Бай Яньнань уже ушёл.

Сяо Жофэй никак не мог понять, что он сделал не так. Подарки, свидания, празднование дней рождения, поездки в любимые места — всё, что должны делать парень и девушка, кроме поцелуев и интимной близости, они сделали. Почему же всё закончилось так?

Секунду назад Бай Яньнань ещё улыбался, а затем произнёс слова расставания так же легко, как если бы спросил, что на ужин. Если бы он не готовился к этому тысячу раз, если бы не было никаких чувств, как он мог быть таким решительным?

Когда Сяо Жофэй пришёл в себя, Бай Яньнаня уже не было рядом. Он шёл, шёл и вдруг оказался перед общежитием, где прожил четыре года.

Студенты уже ушли на каникулы, выпускники в последний день освобождали комнаты. Весь кампус был пуст, только ветер гулял по улицам. Он дул так сильно, что ломал ветки, но не мог развеять тяжесть в груди Сяо Жофэя. Мир висел на краю, готовый рухнуть в любой момент.

Сяо Жофэй открыл дверь общежития и шагнул внутрь.

Весь корпус был чист, не было света, не было звуков, словно здесь никто никогда не жил.

Сяо Жофэй поднялся по знакомой лестнице на пятый этаж, свернул налево и дошёл до конца коридора. Слева была комната 520, справа — 525.

Он вспомнил, как при поступлении шутил, почему 520 и 525 находятся напротив друг друга, как случайно повесили номера. Но сейчас он был бесконечно благодарен, что, открыв дверь, видел знакомые цифры, за которыми были знакомые люди.

Но их больше не было.

Дверь 525 была заперта. Соседи уже уехали, забрав с собой четыре года воспоминаний. Он чувствовал себя смешным, настойчиво возвращаясь сюда, словно ища ответа, но ему оставалось только закрытая дверь. Он обернулся, взгляд упал на дверь 520. Он смотрел на неё несколько раз, затем вдруг замер, словно ему вылили на голову ведро холодной воды. Кровь отхлынула от лица, в голове загудело.

Дверь 520 была незаперта.

Внутри кто-то был.

Внутри действительно кто-то был!

Сяо Жофэй затаил дыхание и, словно обезумев, изо всех сил распахнул дверь.

Внутри действительно был человек.

Тот, кого он знал так хорошо, что мог нарисовать с закрытыми глазами.

Его лучший друг, самый надёжный товарищ. После того как Бай Яньнань уехал на съёмки прошлым летом, рядом с ним остался только он, этот сдержанный юноша, который молча сопровождал его, сидел с ним в библиотеке, смотрел фильмы, обсуждал сценарии, собирал материал, бродил с ним по улицам Цзинчэна и, наконец, снял с ним фильм, фильм о любви под названием «Обитель сердца».

Он не ожидал, что Гу Чуньлай окажется здесь.

Это было единственное, что осталось от его прошлого, к чему он мог прикоснуться, когда ещё не был готов к прощанию.

И этот человек, который нёс в себе его прошлое, сейчас стоял у кровати Бай Яньнаня, слегка наклонившись вперёд, с закрытыми глазами, с лёгкой морщиной на лбу, с выражением крайней серьёзности и преданности, мягко касаясь губами кровати Бай Яньнаня.

Это была кровать, на которой Бай Яньнань спал четыре года, хранящая его самые искренние моменты, его самые сокровенные мысли. Он плакал на ней, смеялся, видел сны, о которых не мог рассказать, делал то, о чём не мог говорить.

<http://bllate.org/book/15563/1415655>